

к 50-летию книги
Олжаса Сулейменова
«Аз и Я»

«До куръ Тмутороканя*»

академия
«КА»

109

невидимые тюркизмы
в «Слове о полку Игореве»

*Марсель
Ибрагимов*

27 мая 2025 года в Алматы Международным центром сближения культур под эгидой ЮНЕСКО при Министерстве культуры и информации Республики Казахстан была организована VII Международная конференция в поддержку культуры знаний «Рождение тюркославистики», посвящённая 50-летию книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я». В работе конференции приняли участие учёные из Татарстана: Дания Загидуллина, Ильдус Загидуллин, Марсель Ибрагимов (Академия наук Республики Татарстан), Венера Аминева (Казанский федеральный университет). Своими впечатлениями о представительном форуме, объединившем учёных, общественных и политических деятелей из многих стран мира, а также размышлениями о вызвавшей некогда большой общественный резонанс книге с читателями «Казанского альманаха» делится один из его постоянных авторов Марсель Ибрагимов.

---

* Тмутаракань – от тюркского *Taman Tarkan* – средневековый город таркана (правителя) Тамана.

В КАЗАНСКОМ государственном университете, куда я в 1991 году поступил на филологический факультет, курс истории русской литературы, согласно учебному плану, начинался с лекций и практических занятий по древнерусской литературе. Помню, как мы, вчерашние школьники, часами просиживали на четвёртом этаже Лобачевки, штудировав внушительные тома «Памятников литературы Древней Руси» и труды корифеев российской медиевистики: А. Шахматова, Б. Рыбакова, В. Адриановой-Перетц, Н. Гудзия, В. Кускова и др. Большинство из этих книг, прошедших сквозь руки сотен студентов разных лет, были изрядно потрёпаны, на полях нередко встречались сделанные карандашом студенческие пометы.

Самыми читаемыми были труды академика Д. С. Лихачёва. До сих пор в памяти сохранились названия его трудов «Человек в литературе Древней Руси», «Поэтика древнерусской литературы», «Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили». Читались (и читаются сейчас) они с интересом: учёный широкой эрудиции Д. С. Лихачёв не замыкается в них исключительно на литературе, рассматривает её как часть своеобразной культуры в самых разнообразных проявлениях. «Слово о полку Игореве» – один из ключевых текстов русской литературы – также в основном преподавалось с опорой на труды знаменитого учёного. Для нас, первокурсников, они были безусловным авторитетом, впрочем, как и для многих наших преподавателей, многие из которых ориентировались на устоявшуюся академическую традицию, прочную и непоколебимую. Гипотезы, которые не вписывались в неё, объявлялись несостоятельными, и мы вслед за корифеями и нашими учителями повторяли о заблуждениях зарубежных (Луи Леже,

Андре Мазон) и отечественных (Александр Зимин) «скептиков», ставивших под сомнение факт создания «Слова» в конце XII века. Не помню, чтобы кто-то из наших преподавателей упоминал в этом ряду поэта Олжаса Сулейменова, автора вызвавшей в середине 1970-х годов большой общественный резонанс книги «Аз и Я». К началу 1990-х книга, которая некогда вызвала переполох в академических кругах, а её автор был подвергнут остракизму и только благодаря заступничеству Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Динмухамеда Кунаева избежал серьёзных последствий, была уже вторично издана в Казахстане (первый, весьма внушительный по тем временам тираж – 60 000 экз. – был практически конфискован). Впрочем, коллеги-филологи, немногим ранее учившиеся на отделении татарской филологии, говорили, что их преподаватели упоминали «Аз и Я» в своих лекциях – очевидно, что позиция казаха Олжаса Сулейменова, откровенно заявившего о влиянии тюркского языка на древнерусский памятник, была созвучной настроениям части татарской научной интеллигенции.

Книгу «Аз и Я» и другие труды поэта и учёного – «Язык письма», «Тюрки в доистории» – я открыл для себя позже, по всей вероятности, под влиянием моего учителя, Ямиля Сафиуллина, который в начале 2000-х годов увлёк нас, молодых преподавателей Казанского университета, идеей сопоставления литератур. Среди последних прижизненных работ Ямиля Галимовича, опубликованных на страницах «Казанского альманаха», есть и статья «Крутые повороты: арабица, латиница, кириллица», посвящённая алфавитной революции в Советском Союзе («Казанский альманах. Бирюза», 2017. С. 171–180).

Чтение «Аз и Я» доставило мне большое удовольствие: интерпретации Олжасом Сулейменовым отдельных вызывавших споры у исследователей «Слова» мест казались мне не только оригинальными, но и весьма

убедительными. Хотя, возможно, они и шли вразрез с мнением авторитетных учёных. Приведу два примера из книги.

Первый – предложенное Сулейменовым объяснение встречающегося в «Слове» обращения к Всеволоду – «буйтур». Ставя под сомнение предложенное ещё Мусином-Пушкиным толкование («буй» – дикий; «тур» – вол), автор «Аз и Я» пишет:

Автор называет Всеволода «буйтуром». Это находка для тюркологов, мечтающих понять этимологию слова «батыр» (батыр, боотур, богатур, богатырь). «Слово» – единственный памятник, где отразилась праформа этого популярного после XIII века термина. В источниках X века его ещё нет. Родился он, скорее всего, в кипчакской среде в XI–XII веках (буй-туре – буквально «высокий господин») и сохраняет черты языка волжских тюрков.

По мнению Сулейменова, слово «буй» могло использоваться для обозначения одного из титулов княжеской иерархии в Киевской Руси. В тюркских языках оно в различных вариантах (*буй, бий, бай, бой*) применялось к людям, пользующимся властью и уважением. Иначе говоря, обращение «буйтур» – это не метафорическое, указывающее на смелость и отвагу, уподобление князя ярому быку, а указание на его высокое социальное положение.

Другой запомнившийся пример скрытых тюркизмов в «Слове» – выражение «до курь Тмутороканя». Академик Дмитрий Лихачёв под словом «до курь» подразумевает указание на время: «до кур» = «до петухов». Вот как понимает это выражение Сулейменов:

Я предлагаю рассмотреть выражение «до курь Тмутороканя» и с другой стороны. Есть тюркское слово «кура» – стена, ограда (в современном татарском – кура, в казахском – кора). Древность его доказывается тюркскими памятниками X–XI веков. Происхождение его прозрачно – от

Олжас Сулейменов

корня «кур» – строй, воздвигаю (курган – крепость, постройка).

Таким образом перевожу: Вячеслав «доскакал до стен Тмутороканя».

Невидимые учёным-монолингвам, но зримые билингом Сулейменовым тюркизмы позволяют автору «Аз и Я» дать интересное прочтение подобного рода «тёмных мест» «Слова». Что же тогда так взбудоражило маститых академиков, которые на состоявшемся 13 февраля 1976 года в Академии наук СССР совещании в течение 18 часов обсуждали книгу, которая за короткое время приобрела у читателей во всём Союзе колоссальную популярность (на чёрных книжных рынках цены на неё доходили до ста номиналов)?

Книга «Аз и Я» вызвала столь бурную реакцию у официальной власти, прежде всего, потому, что она подрывала имперский дух отечественной науки. Это же было и причиной её

приятия творческой интеллигенцией в национальных республиках, прежде всего, тюркоязычных. «Ещё остаются, – писал в 1976 году в неопубликованной статье “Осенённый выдохом вечности – Словом” Мурат Ауэзов, – борющиеся за своё утверждение национальные культуры, и остаётся проблема восстановления подлинного родства народов мира в масштабах единой истории человечества. До тех пор, пока будут давать о себе знать рецидивы спекулятивной исторической “науки”, превращающей обзор пройденного народами пути в источник шовинизма и национализма, книга “Аз и Я”, в самом названии которой заложено представление об единстве мировой культуры, будет служить чистым, как сигнал боевой трубы, призывом к борьбе с лжепатриотизмом и лженаукой». У нерусских читателей, далёких от научных дискуссий, эта книга, выражаясь словами известного российского учёного-литературоведа Мадины Тлостановой «пробуждала ген неповиновения, утверждения человеческого достоинства, права помнить собственные историю, культуру, язык, не сосланные на задворки мира, а вернувшиеся на своё законное место».

В опубликованной в 1978 году статье «Кочевники и культура: казахский эксперимент» Олжас Сулейменов, отвергая отношение некоторых отечественных историков к кочевникам как к варварам, которые не могли быть творцами культуры, пишет о том, что такие учёные «смотрят на свой предмет только сквозь призму средневековых хроник, даже не пытаясь применить другую оптику». Эта другая оптика, сквозь которую Сулейменов смотрит на «Слово», основывается на внимании к языку. «Язык, – пишет он, – наиболее богатый резервуар исторической информации, избежавший произвола писцов. Источник наиболее беспристрастный. Он даёт полную картину взаимодействия культур, которая противоречит безжалостному наброску историков». Важно и другое: билингу Сулейменову в «Слове» открывались смыслы, во многом

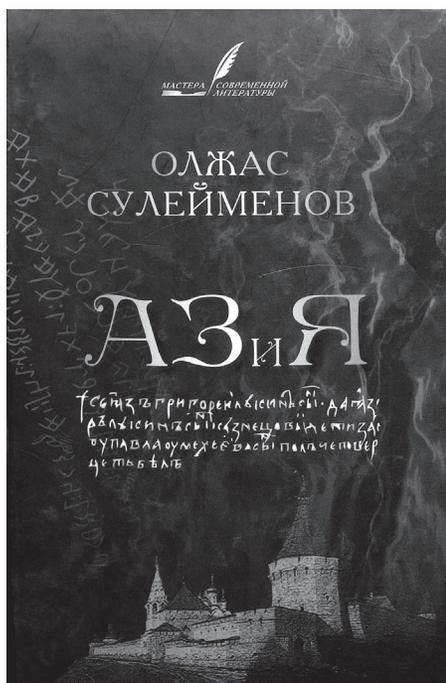
недоступные многим учёным-славистам, погружённым в стихию древнерусского языка. Впрочем, справедливости ради отметим, что такие известные учёные, как П. Мелиоранский, Ф. Корш, В. Гордлевский, А. Кононов, Н. Баскаков, уделяли в своих трудах внимание языковым заимствованиям в «Слове». Однако, позиция Сулейменова, определяемая им в предисловии к своей книге, отличается от лингвистического подхода этих и некоторых других учёных, которые были ориентированы на поиск тюркизмов в памятнике древнерусской литературы. «Я, – пишет он, – отказался от темы “Тюркизмы в “Слове”» – понял, что узкая специализация продуктивна в математике, а не в человековедении. «Слово» нужно читать не коллективом Мы (Славист, Тюрколог, Историк, Поэт и пр.), а коллективом Я. Те же персонажи, но объединённые в одной личности». И еще: «Читать “Слово” мне помогло природное двуязычие, знание культурных взаимоотношений Руси и Поля, увлечение этимологией и, может быть, чувство слова и образа, выработанное упражнениями в версификаторстве». Последнее представляется значимым для понимания выбранной Сулейменовым оптики: в предисловии он сам заявляет, что его книга не претендует на истину в последней инстанции, его книга – побуждающий к спору взгляд на историю глазами поэта.

Инспирированную идеологическим отделом ЦК травлю Олжаса Сулейменова, помимо заступничества Кунаева, помогла достойно выдержать поддержка немногих представителей творческой интеллигенции, среди которых – Константин Симонов («Мне всё интересно было в Вашей книге, – писал знаменитый поэт в своём письме Сулейменову в конце сентября 1975 года, – но всё-таки самое для меня главное в ней – это подход к истории – жёсткий и в то же время совестливый, в общем-то, что самое главное, справедливый, отмеченный и печатью национальной гордости, и печатью национального самосознания...»), Мурат Ауэзов («В скаль-

ных породах славистики, – писал он в неопубликованной в 1976 году статье «Осенённый выдохом вечности – Словом» Сулейменов добывает истину, круша на своём пути всё, что стоит на ложных подпорках псевдонаучности и зауженного патриотизма»). Особую гордость мы, представители делегации из Татарстана, испытали, когда выступающие спикеры с чувством признательности упоминали имя доктора филологических наук Рашиды Зуевой, которая 9 июля 1975 года в газете «Ленинская смена» в соавторстве с поэтом, критиком, публицистом Светланой Штейнград (она выступила на пленарном заседании конференции) опубликовала статью «Вросли в славянскую строку кыпчакские слова...»

Авторы рецензии пишут об особой чуткости, восприимчивости Сулейменова к «Слову», которая более характерна для образно мыслящего поэта, нежели для всецело находящегося в плену *ratio* учёного. «Ведь многие места «Слова» были не поняты потому, что поэтические метафоры прочитывались буквально, без учёта всего поэтического строя памятника, без учёта художественного контекста. Не всегда в появлении «тёмных» мест виновен переписчик XVI века. Возникают они и от неверного членения строки» (напомним, что «Слово» писалось без пробелов в предложениях).

В своё время весомую роль в общении Олжаса Сулейменова к миру науки сыграл доцент Казахского государственного университета, татарин Хайрулла Махмудов, пригласивший в 1963 году выпускника геологоразведочного факультета (по его окончании в 1959 году Сулейменов поступил на отделение поэтического перевода Литературного института им. А. М. Горького, а спустя два года приобрёл всесоюзную известность как автор поэмы «Земля, поклонись человеку», посвящённой Юрию Гагарину и его первому в мире космическому полёту) в аспирантуру. «Специальность геолога, – писал в 1969 году Хайрулла Махмудов в журна-

ле «Простор», – наложила определённый отпечаток на круг интересов Сулейменова, на осмысление явлений. Он научился мыслить масштабно, потому что геология – это наука о земле, это миллионы лет, это история нашей планеты... «Слово о полку Игореве» он читает глазами человека, глубоко заинтересованного, увлечённого, зачарованного... Что это? Биография поэта? Да, творческая биография поэта, пришедшего в науку. Без таких приверженцев, которые ни дня не могут прожить без словесных открытий для себя, в филологии было бы, по крайней мере, скучно...» Несмотря на значительное количество оригинальных статей, опубликованных Сулейменовым ещё до поступления в аспирантуру и во время учёбы в ней («Кочевники и Русь», «Босый волк и напевы готских дёв», «Тмутаракань, мечи харалужные. Карна Жля», «Невидимые слова» и др.), он не стал защищать диссертацию по утверждённой теме – «Тюркизмы в «Слове о полку Игореве».

В предисловии к 50-летию книги автор приводит разговор с Махмудовым:

– Вот здесь должна быть ссылка на Д. С. Лихачева, типа: «Как правильно заметил...». А здесь – на Б. А. Рыбакова, такого же типа: «Согласен со справедливым суждением...» Свободней, по-писательски, не как заскорюзлый младший научный сотрудник!

– Но я же не согласен с его даже справедливым суждением! И не считаю, что правильно заметил Лихачёв!

– Тогда не защитишься...

– Тогда буду нападать!

Нонконформист по натуре, Олжас Сулейменов не внял совету своего научного руководителя убрать критику академиков Лихачёва и Рыбакова, не смог поступиться тем, что считал истинной.

Отказавшись защищать диссертацию, Сулейменов не оставил научных штудий. Параллельно с поэтическими произведениями он работал над книгами, в которых размышлял о письменности, взаимосвязях тюркских и славянских языков, роли тюрков в истории: «Язык письма», «Улыбка бога» (1998), «Пересекающиеся параллели» (введение в тюркославиистику, 2001); «Тюрки в доистории» (о происхождении древнетюркских языков и письменностей, 2002).

И сейчас поэт и учёный, возглавляющий созданный им под эгидой ЮНЕСКО «Центр сближения культур», несмотря на почтенный возраст (18 мая он отметил своё 89-летие), продолжает свои лингвокультурологические и этимологические разыскания. Его новая тема связана с гипотезой происхождения слова «Осирис», которое Сулейменов соотносит с сохранившейся в казахском языке праформой *Өс* (*Os*), с казахского – «расти!», которая в других

языках (например, в славянских) утратила изначальный смысл (слово «ось» в них используется в значении некоей идеальной вертикали).

* * *

Созданная организаторами конференции атмосфера, в которой подчёркивающая значимость события торжественность соединялась с дружеским общением, вызывает чувство благодарности и уважения к казахскому народу: нечасто приходится участвовать в конференциях, посвящённых одной книге, судьба которой, несмотря на все коллизии, оказалось счастливой, хотя истории и современности известно множество других примеров, когда облачённые в академические мантии деятели вершили свой суд над трудами, не встраивавшимися в их схоластическую, а зачастую – и идеологически ангажированную картину мира.

В открытом письме Олжаса Сулейменова Первому секретарю ЦК КП Казахстана Динмухамеду Кунаеву (от 17 июня 1976 года) есть такие завершающие его строки: «Пишу эти слова с полным осознанием того, что с течением времени они будут восприниматься как человеческий документ нечастного значения. И эта ответственность заставляет меня быть искренним, не стесняясь опасности непонимания...». Автор книги «Аз и Я» оказался провидцем: его творение и всё, что с ним было связано в те годы, с позиции сегодняшнего времени воспринимаются не только как личная история дерзкого мыслителя, но в том числе и как одно из свидетельств вошедшей в историю как «застой» эпохи, в которой тексты, подобные «Аз и Я», исподволь меняли сознание советского человека перед грядущими спустя десятилетие реформами.